

Этический персонализм: духовные детерминанты русской традиции психологического консультирования и психотерапии

Глава 1. Социокультурные истоки основных подходов в консультативной психологии и психотерапии

Исходный наш тезис состоит в том, что психологи-ческая помощь оказывается специалистом в контексте определенной социокультурной традиции, вольно или невольно воспроизводимой и транслируемой психо-логом-психотерапевтом. Точнее, в основе практически любого из современных подходов в психологическом консультировании и психотерапии явно или неявно за-ложена весьма определенная философская, методоло-гическая и, глубже, религиозная традиция. Недаром К. Юнг назвал в свое время религию древнейшей формой психотерапии. Не составляет большого труда проследить подобные истоки наиболее известных психотера-певтических парадигм.

Классический психоанализ З. Фрейда, как неоднократно подчеркивалось в литературе, в своих истоках восходит к иудео-христианской, в частности, католи-ческой традиции, из которой вытекает основной ряд мифологем и идеологем этой школы психотерапии (от влияния структуры Святого семейства с условием насле-дования имущества после смерти главы семейства не его вдовой, как в православной семье, а первенцем мужского пола, из чего, собственно, и вырастает Эдипов комплекс, до идеи чистилища, аналогом чего является собственно психоаналитическая процедура). В методологическом же плане психоанализ соответствует популярной в нача-ле XX века философии Э. Маха, сциентистскому варианту

субъективного идеализма Д. Юма и Дж. Беркли, согласно которому именно чувственное отражение формирует структуру человеческого опыта. В сочетании с картези-анским дуализмом и акцентом не на открытие, а на тол-кование эта концепция легко превратилась в своеобраз-ную идеологию определенных слоев общества в XX веке.

Адлериаанский подход его центральными понятия-ми комплекса неполноценности и механизмами ком-пенсации и гиперкомпенсации обязан идее гомеостаза, оформленной в конце XIX – начале XX века в целостную концепцию взаимодействия систем организма с внешним миром с целью поддержания стабильности внутренней среды.

К. Юнг в своей системе глубинной психологии раз-дробил идею Абсолюта как верховной детерминанты на множество образований, которым дал обобщенное имя «архетип» и присвоил им различные наименования, на-ходясь, как известно, под сильным влиянием индуизма. При этом общей методологической основой этих ответ-влений психодинамической терапии служило, как уже отмечалось, картезианство.

Поведенческое направление в психотерапии, начи-ная со своих основателей Дж. Уотсона, Э. Торндайка, В. М. Бехтерева и др., придерживаясь строгих канонов классической науки, представляло и представляет собой яркий образец эмпирического познания, в котором ос-новным методом является метод проб и ошибок, а объ-яснительным принципом – принцип редукции. Именно логический позитивизм и эмпиризм, сущность которых столь ярко воплощена в современной англо-саксонской науке и философии, абстрагирующихся от кардиналь-ных отличий между человеком и животным, приводит к анимализации понимания человека, что проявляется не только в трактовке личности как совокупности реакций на конфигурацию стимулов, но и к трактовке и проек-тированию мира как устройства, призванного обуздать животное в человеке или же в неких пределах попусти-тельствовать животному началу (философия Мальтуса– Гоббса).

Философский и методологический генезис гуманистической психотерапии также весьма прозрачен. Покажем это на примере «центрированной на клиенте» концепции К. Роджерса. Смысловой акцент, сделанный именно на определении «центрированная» (а не «сосредоточенная», «сконцентрированная», «сфокусированная»), безусловно, не случаен. Как не случаен и сам термин. Его автором является один из основателей гештальт-психологии, представитель Вюрцбургской школы Макс Вертгеймер, открывший так называемый психический феномен, утвердивший в качестве основополагающего постулата гештальт-психологии первичность целостных структур-гештальтов, не выводимых из составляющих их компонентов. И, наконец, предложивший сам термин «центрирование» наряду с другими гештальтистскими наименованиями психологической специфики перцептивных действий как то: «реорганизация», «группирование», «транспозиция» и т.п. Таким образом, уже название концепции К.Роджерса дает указание на ее методологическую принадлежность к гештальт-психологии. Именно гештальтисты предложили, в отличие от вундтовской и вюрцбургской интроспекции, свой вариант интроспективного метода, при котором, говоря словами М. Г. Ярошевского, «в поисках путей проникновения в реальность душевной жизни во всей ее полноте и непосредственности предлагалось занять позицию «наивного» наблюдателя, не отягощенного предвзятыми представлениями об ее строении» (26, с. 233).

Так что в самом психотерапевтическом методе уже заложена определенная философско-методологическая традиция, система социально-культурных норм, ценностей и способов действий, актуальная для того социума, в котором она возникла: «В психотерапии ... сталкиваются не столько разные типы научного знания (хотя и они тоже), сколько разные мировоззрения, культуры, разные жизненные правды, основывающие свою специфическую этику и «философию

жизни», а это уже во-просы скорее веры, мифологии, чем науки» (24, с. 17).

В отечественной психологической практике широко заимствуются и используются зарубежные психотерапевтические методы. Однако в последнее время, по мере развития социо-культурной рефлексии, все чаще поднимается вопрос о неприемлемости прямого их перенесения на отечественную психологическую практику, обращенную к ментальности восточнославянской социокультурной традиции (7; 8; 12; 13; 15; 20; 23; 24; 29; 30).

Прямое перенесение зарубежных психотерапевтических методов в отечественную практику без должного их осмысления и переработки по сути является привнесением чужеродных ценностных элементов в структуру русской ментальности, которые в лучшем случае могут порождать дискомфорт в процессе психотерапевтического взаимодействия, а в худшем – обернуться во вред человеку, посягая на систему тех его личностных смыслов, которыми он обязан духовным ценностям родной ему культуры.

Если, согласно З.Фрейду, цель психотерапии – обеспечить человеку возможность «*lieben und arbeiten*», согласно К.Роджерсу – превратить его в «*a fully functioning person*», по Т. Парсонсу и А.Маслоу – дать возможность полностью самореализоваться, то чтобы понять цели русской психотерапии, следует, очевидно, выяснить и русские традиции представлений о человеке, тем более, что в последнее десятилетие в мировой практике психологического консультирования и психотерапии остро встала проблема индигенизации, т.е. поиска культуросообразных подходов к психологическому консультированию и психотерапии (8; 13; 24; 29; 30; 31; 32).

И в самом деле, трудно предположить что, скажем, обычай обрезания, бытующий в еврейской и арабской культурах, не повлиял на утверждение самой идеи кастрационного комплекса. Так же как тот факт, что согласно Римскому праву, имущество после смерти отца

наследуется первенцом мужского пола, и мать вынуждена с детства прилагать особые старания, чтобы привязать к себе будущего наследника – не вызывал бы к жизни чувство соперничества с отцом за мать, индуцированное специфическим поведением самой матери. У американцев, находящихся под выраженным влиянием протестантизма, апелляция к принципу этического релятивизма, то есть, отказ от понятий “добро” и “зло”, наиболее выпукло отчеканенных в 119 (118) -м Псалме Давида, и замена этих абсолютных этических максим примерно следующими рассуждениями: “Я не знаю, что такое добро и зло, но я чувствую, что ты чувствуешь, что я хороший человек” привела к тому, что Э.Фромм назвал «человек для самого себя». У германцев весьма выражена параллельная проблематика, в частности, в многочисленных аллюзиях К.-Г. Юнга, относящихся к индуизму и в логотерапии В.Франкла и его последователей.

В этой связи возникает несколько принципиальных вопросов, а именно: каковы антропологические представления (модель, если угодно) о человеке, вытекающие из русской религиозно-философской и научно-методологической традиции? К какому собственно состоянию человека и социума должна стремиться (и в перспективе приводить) отечественная концепция психологической помощи?

Сформулируем несколько постулатов, представляющихся важными для обрамления философской антропологии в русской культуре.

Первый. Человек – существо, наделенное не только психикой с присущей ей высшей ее формой, сознанием. Человек способен выработать в себе особое качество и собственного сознания, и собственного бытия, именуемое термином «духовность».

Второй. Духовность не есть психологическая категория, равно как и категория деятельности. Однако, не психологизировав эту категорию, т.е. не найдя адекватную ей систему операциональных психологических по-

нятий, мы не сможем самоопределиться как субъекты собственной психотерапевтической традиции.

Третий. Духовность есть качество (уровень) сознания человека, проявляющееся в его свойствах постигать, переживать и утверждать некоторые принципы жизни как абсолютные ценности бытия, которым атрибутируется достоинство высших смыслов.

Четвертый. Содержание абсолютных ценностей определяется исторической культурой этноса и обладает пре-суппозициональностью, т.е. свойством воспроизводить в своих носителях смыслы и способы действий, свойственные данной культуре.

Огромная сложность состоит в том, что высокая русская культура в XX веке была разрушена. Русские люди в душе зачастую ощущают себя духовными сиротами. В связи с инфицированием хамством, этой мнимой духовной панацеей плебса, возвращение русскому человеку исконного чувства собственного достоинства, пробуждение которого и лечит человеческую душу, — самое целебное средство. К сожалению, только крайняя, пограничная ситуация выступает необходимым условием для этого пробуждения. Именно в условиях крайней, пограничной ситуации, на антропологической границе человеческого и нечеловеческого, русская психология противостоит западной трансгрессии, в которой, по выражению С. С. Хоружего, «преступление как таковое возводится в фундаментальную антропологическую установку» (23). По-видимому, А.Е.Алексейчик первым понял именно эту специфику работы с соотечественниками еще в середине 80-х годов прошлого века (см. 1).

В русской культуре, в отличие от западной – в широком смысле этого слова – в культуре, которая не знала пропагандистской волны антипсихиатрического движения, вызванной решением Британского парламента от 29 декабря 1959 года деинституализировать психиатрию, психологам не принято брать на себя исключительную ответственность за лечение пациентов, страдающих психическими заболеваниями. Тем более, что наши исследования показывают: предметом

профессиональной деятельности психолога-психотерапевта являются прежде всего межличностные отношения и индуцированные ими переживания, а не те психоэмоциональные состояния, которые вызваны патологией мозговой деятельности (см. 6).

Специально хотелось бы подчеркнуть следующее соображение. Этический персонализм не является специфическим методом или подходом для консультирования русских, так же как позитивная психотерапия не предназначена только для иранцев или бахаистов, психоанализ не является специфическим средством работы только с евреями или католиками, холотропное дыхание – с индустриальными, а юнгианская терапия – с немцами.

Более того, и сам термин «этический персонализм» принадлежит германскому философу Макс Шелеру. Но изюминка состоит в том, что Макс Шелер находился под сильным влиянием отцов Восточного христианства. Известный философ Б.В. Марков высказал даже мнение, что некоторые положения М. Шелера навеяны философскими трудами В.С. Соловьева, с которыми тот был, несомненно, знаком (см. 16).

Так что в данном случае произошла обычная история: мы узнаем себя через Другого. Просто те феномены и ноэмы, которые наиболее проработаны в русской культуре, так же точно востребованы и людьми других культур.

В психологическом консультировании специалист всякий раз сталкивается с проблемой: с чем в первую очередь работаем - с мозгом, системой представлений, личностью или типом культуры, который несет в себе данный человек. И русский психотерапевтический код является здесь универсальным инструментом.

Мы исходим из того, что русский ресурс выживания в крайних ситуациях так же важен для человечества, в том числе, и в психотерапии, как важна и русская культура. Ведь она столь же всемирно-исторична, как и другие культуры человечества. И в ней существуют максимы, которые для других культур являются

откровением, на-пример: не умножать страдания мира; не позволять при-носить Другого в жертву; исходить не из противопостав-ления древнегреческих персонажей из драмы Софокла - Эдипа и Иокасты, а гораздо более древних, библейских фигур – Авеля и Каина¹.

В свое время, тысячу лет назад, когда в Киевской Руси, как и в наши дни, распространился индифферен-тизм (толерантность) и скептицизм (безверие, в частно-сти, неверие в свои силы), дух междоусобиц, а русский народ, по словам летописца, «рассыпался розно», киев-ский митрополит Илларион обратился к русичам с потрясающим обращением «Слово о законе и благодати». И это слово, в котором закону, имеющему частное зна-чение, противопоставлялась благодать как универсаль-ный принцип всечеловеческого бытия, стало культурной доминантой последующих поколений русских людей. Доминантой, позволившей пережить и преодолеть мон-гольское нашествие, великую Смуту XVII в., создать мо-гучую державу...

Трудно сказать, что принесло человечеству большую пользу – вдохновенная проповедь или филигранный эксперимент. Бесспорным остается одно: «чистая на-ука», как и «чистое искусство» – не более чем развлече-ние, игра в бисер. Есть подлинная наука, которая так же бьется за установление истины, как подлинное искусство – за постижение тайны красоты.

Итак, учитывая ярко выраженную тенденцию в со-временной психологии к процессам индигенизации, об-ратимся к современному состоянию этого мейнстрима в мировой консультативной психологии и психотерапии.

1 Отдельного рассмотрения заслуживает анализ ис-токов абсолютного запрета на жертвоприношение. Здесь мы просто отметим: есть все основания предположить, что в вос-точной версии христианства этот принцип был заимствован из митраизма (позднего варианта зороастризма), в котором впервые в истории человечества жертвоприношение живот-ных и человека было запрещено, что

позволило Гегелю в Лек-циях по философии истории умозаключить, что в Персии впервые засиял свет, «который светит и освещает иное, так как свет, впервые возвещенный Зороастром, принадлежит миру познания, духу»... Возможно так произошло по той при-чине, что в Персии в эпоху царя Дария (522 — 486 гг. до н.э.) уже было отменено рабство, которое пышным цветом цвело в демократических Афинах и республиканском Риме.

Глава 2. Индигенизация как мейнстрим современной консультативной психологии

Индигенизация – термин из сферы антропологии, обозначающий тенденции к укреплению собственной цивилизационной идентичности за счет развития куль-туросообразных методов психотерапии и психологиче-ского консультирования. Слово «indigenous» происхо-дит от латинского соединения «in + de + gena» (в преде-лах + с + происходить) и означает «производиться или произрастать в определенной среде». Употребляется по отношению к явлениям, присущим определенному аре-алу, в отличие от инородных, чужих.

По словам американского социолога и политолога, автора концепции энтокультурного разделения циви-лизаций С. Хантингтона, в последней четверти XX века наиболее примечательно индигенизация проявилась в культурном утверждении Азии и ислама – в широко-масштабном культурном, социальном и политическом возрождении мусульманского мира и сопровождающем этот процесс отвержении западных ценностей. Акцен-тируя внимание на культурных отличиях Востока и За-пада, и нежелании первого принимать навязанные за-падными устои, автор приводит рассуждение чиновника из Саудовской Аравии: «Ислам – это не только религия, это еще и стиль жизни. Мы, саудовцы, хотим модерни-зироваться, но не обязательно вестернизироваться» (21, с. 163).

Возвращаясь непосредственно к объекту нашего ис-следования – психологическому консультированию – отметим, что индигенная

психология представляет собой подход, в котором содержание (т.е. смыслы, ценности и убеждения) и контекст (напр., социальный, культурный и экологический) являются взаимообусловленными и неотъемлемыми атрибутами. Характерной чертой индигенного психологического знания выступает его локальное происхождение – оно не является привнесенным или заимствованным из других территорий.

Форма психологической помощи, произрастающая из определенной культурной традиции и сосредотачивающаяся на культурных факторах ее оказания, именуется индигенным консультированием и психотерапией. Исходным моментом здесь выступает идея о том, что подобно тому, как некоторые культурные факторы обуславливают проблематику обращений к психологу, культурными факторами должен опосредоваться так же и выбор метода решения этих проблем.

Инициатор движения индигенизации психологии на Филиппинах В. Энрикес (Virgilio G. Enriquez), определил две ее формы: индигенизация извне (indigenization from without) и индигенизация изнутри (indigenization from within). Первая предполагает принятие уже существующих психологических теорий, концепций и методов при условии их модификации в соответствии с местным культурным контекстом. Вторая приемлет только концепции и методы, разработанные внутри определенной культуры, а «индигенная информация» выступает первичным источником знаний. Например, учеными выходцами из стран Восточной Азии неоднократно подвергались критике ценности индивидуализма, которые никоим образом не могут быть привнесены на Восток, поскольку в Восточной Азии именно соотнесенность человека с другими, опосредует его человеческую сущность. Как указывают У. Ким (U.Kim), К. Янг (K-Sh.Yang) и К. Хван (K-K.Hwang), в Восточной Азии иероглиф, обозначающий английское «human being» (русск. - человек, человеческое существо), дословно переводится как «human between» («человек между») (см. 30).

Обратимся теперь к описанию основных процессов индигенизации. Прежде всего следует отметить, что ин-дигенный подход представляет собой интегрированное знание, которое в наилучшем своем виде представляет комбинацию элементов осведомленности из сферы не только психологии и психотерапии, но и антропологии, истории, философии, религиоведения, литературы и других областей, которые, прямо или косвенно указыва-ют на самобытность данной культуры.

В сущности, эта идея восходит еще к В. Вундту, кото-рый в резонанс с идеями его современника М. Вебера о существовании двух областей научного знания – есте-ственного и гуманитарного – признал две традиции в психологии: естественнонаучную и культурную. В. Вундт отмечал ограниченность естественнонаучного подхода и экспериментального метода в психологии. Вместо этого, он решительно указывал, что человеческое поведение в значительной степени обусловлено языком и обычаями, которые он рассматривал в своем известном труде «Пси-хология народов».

Далее, это отсутствие единства во мнениях относи-тельно возможности продуцировать индигенное пси-хологическое знание, не будучи представителем изуча-емой культуры. Однако если обратиться к фигурам ис-следователей, активно продвигающих идеи индигениза-ции в своих странах, можно увидеть, что подавляющее их большинство являются представителями изучаемой культуры.

В пользу данного положения свидетельствует так же факт, что создание индигенного психологического зна-ния сопровождается использованием местного языка не только как инструмента для идентификации поня-тий, но и посредника в изучении психологии народа. Как видим, в данном случае, представители изучаемой культуры, а, следовательно, носители ментальности и языка, находятся в более благоприятном положении, поскольку язык им доступен не только как средство коммуникации, передачи и выражения мысли, но и как форма общественного сознания. Трудности здесь могут возникать в

силу существования некоторых языковых несоответствий. Не прибегая к подробным описаниям, отметим, однако, что, к примеру, японцы употребляют одно слово – «*isin*», чтобы охватить целый ряд понятий: стыд, вина, застенчивость, замешательство и смущение. В некоторых языках встречаются слова, не имеющие эквиваленты в других. Так, в арабском языке отсутствует аналог английского слова «*frustration*», а в польском – «*disgust*» (см.8).

Помимо этого, нужно принимать во внимание возможность различного смыслового наполнения соответствующих, на первый взгляд, друг другу понятий. Небезызвестно, например, что русское слово «успех» и английское «*success*», несмотря на кажущееся смысловое сходство, на самом деле представляют собой два принципиально разных понятия в плане смыслового наполнения. То же самое можем сказать и о русском «судьба» и английском «*fate*»².

Следующей особенностью обсуждаемой нами тенденции является то, что мощнейшим источником индигенных психологических знаний выступают такие опредмеченные формы ментальности, как философские и религиозные тексты, которые являются культурным наследием каждого этноса и, будучи созданы несколько веков назад, содержат в себе основные религиозно-этические положения из которых проистекают принятые в данном обществе нормы поведения и система нравственных ценностей.

В результате изучения и трактовки религиозных текстов, теоретики индигенных подходов сделали значительный вклад в обогащение психологической науки знаниями о психологических особенностях собственных популяций.

В частности, психосемантическое исследование обширного массива текстов, отражающих православную богословскую традицию, имело своим результатом выделение базисных категорий, определивших аксиологическое содержание русской ментальности (см. гл. 3), а продуктом анализа древних индийских священных писаний

было выделение основных особенностей ментали-тета народов Индии (см. 8).

Развивая концепцию индигенизации в психологическом консультировании, уместно обратить внимание на пути ее реализации в современном мире. Так, в Японии попытки индигенизировать свою психотерапию увенчались созданием ряда специфических психотерапевтических техник, из которых наиболее известны «morita-терапия» и «naikan-терапия». Возвращаясь к движению индигенизации на Филиппинах: большинство жителей Филиппин исповедуют католицизм, что изрядно выделяет их на фоне других стран Юго-Восточной Азии. Но именно принадлежность к данному региону стала определяющим фактором в формировании таких основополагающих черт ментальности филиппинцев как «bahala na», которая не имеет дословного аналога, например, в английском языке, но в смысловом плане выступает чем-то сродни фатализму; ценности «utang na loob», которая выражается во взаимной благодарности за сделанное добро.

В контексте филиппинской культуры – это искреннее желание отплатить добром и вера в то, что тот, кто не испытывает чувства благодарности к своим благодетелям, никогда не достигнет собственной цели.

Данная традиция сильнейшим образом связывает человека с его родней или обществом в целом и выражается в популярной филиппинской поговорке: «Ang hindi lumignon sa pinanggalingan ay hindi makakarating sa paroroonan» (см. 8). Что дословно означает: «Тот, кто не оглядывается туда, откуда он пришел, никогда не доберется до места назначения», а в вольном переводе может быть сформулировано следующим образом: именно приверженность своим корням дает нам силы для реализации своих устремлений и опредмечивания замыслов. Сюда же относится такая черта филиппинцев как коллективизм.

Точно таким же образом японцы, которые полагают себя сынами богини Аматерасу, стремились и стремятся к выработке собственных систем психотерапии.

Таким образом, принадлежность к определенной цивилизации накладывает на популяцию ряд специфических черт, проявляющихся в особенностях высшего психического функционирования, которые собственно и определяют возможность или невозможность использования того или иного подхода в работе с данной категорией людей.

Принципиально новое решение данной проблемы дает развитие системы оказания психологической помощи по вектору индигенизации, подразумевающему разработку эффективных культуросообразных методов, сочетающих в себе индигенное и универсальное.

Индигенная психология, таким образом, рассматривается как система психологической мысли и практики, основанная на определенной социокультурной традиции. Движение по созданию индигенных психологий возникало преимущественно в незападных странах и выступало в качестве реакции на безосновательное доминирование западнистских (термин А. А. Зиновьева) подходов, в основе которых лежат не столько научные, сколько неотрефлексированные идеологические и теологические постулаты с ориентацией исключительно на контингент западных клиентов (WEIRD - White, Educated, Industrialized, Rich and Democratic) – протестантов по вероисповеданию, индивидуалистов по жизненным ориентациям и все больше и больше склоняющихся к кочевому образу жизни.

Тенденции индигенизации выражаются в стремлении все большего числа исследователей-психологов к построению системы научного психологического знания а, следовательно, и системы оказания психологической помощи, исходящих из индигенных реалий – ценностей, верований и убеждений, которые, в свою очередь, опираются на философскую и религиозную традицию определенного этноса.

Предполагается, что каждая цивилизационно-культурная общность в идеале должна развивать свой собственный индигенный подход.

В процессе поиска и восстановления культуросообразных практик в отечественной консультативной и психотерапевтической работе мы предприняли ряд исследований, направленных на выявление феноменологии, в которой отражается и воплощается принципиальное отличие русской ментальности. Так, в частности, было установлено, что созерцательность, а не практицизм, любовь и долг, а не свобода выступают основными детерминантами семантических структур, с которыми приходится иметь дело отечественному психологу-консультанту.

Одним из таких, культуросообразных, методов психологического консультирования является модальность «этический персонализм», главные концепты которой, отражающие психологическую реальность межличностных отношений и профессиональные действия психолога (постановка психологического диагноза сложившейся ситуации, учет баланса жертвоприношения и самопожертвования, преодоление позиции жертвы путем переопределения принципов своего поведения) вместе с тем несут в себе безусловный потенциал универсальности во всех тех случаях, когда мы имеем дело с возникновением и преодолением этического диссонанса.

Изложенное выше ни в коем случае не следует толковать как призыв игнорировать достижения западной научной мысли, пытаясь изобрести свой собственный велосипед.

Мы просто отмечаем, что вестернизированные подходы зачастую являются такими же индигенными, так как отражают традиции, идеологию и ценности западного общества. Попытки огульно приписывать им статус универсальных, равно как и бездумное использование за пределами западной культуры являются безосновательным эпигонством.

Подлинная задача отечественной психологии – разработка культуросообразных методов, способных обогатить мировую психологическую практику, внося в арсенал лечебного психологического воздействия более тонкие и прицельные средства, несущие в себе высокий потенциал подлинной универсальности.

Глава 3. Концептуальная модель человека в русской культуре

В попытках решить поставленную задачу нами было предпринято психосемантическое исследование обширного массива текстов, отражающих православную бого-словскую традицию (5-томник сочинений святых отцов, известный под названием «Добротолюбие», в частности, труды Антония Великого, Макария Великого, Аввы Зосимы, Иоанна Лествичника, Григория Синаита, Григория Паламы, Каллиста и Игнатия Ксанфопулов, Нила Синайского и Аввы Исаяи), а также труды выдающихся представителей русской классической философии (Г.С. Сковороды, П.Д. Юркевича, К.Н. Леонтьева, П.А. Кропоткина, Н.Я. Данилевского, П.А. Флоренского, Н.О. Лосского, Н.Ф. Федорова, В.В. Розанова, Ф.А. Степуна и др.) – объем выборки составил около миллиона слов (942236).

С целью выявления тех основных понятий, в которых отражается и воплощается принципиальное отличие человека в соответствии с духом русского его понимания, мы прибегли к сочетанию метода контент-анализа (русских религиозных и философских текстов) с одновременным вычленением неких базисных семантических категорий, что позволяет формализовать содержание и таким образом осуществить сравнение различных дискурсов (текстов)*.

Вышеуказанные тексты были проанализированы по таким параметрам контент-анализа: число лексем в тексте, лексическое разнообразие (соотношение количества лексем и общего количества слов), средняя длина слова, средняя длина предложения, грамматическая сложность текста (соотношение числа знаков препинания внутри предложения и количества предложений), наиболее

частотные слова, ключевые слова и словосочетания, эмоционально-лексические оценки текстов; группы лексических категорий «потребности», «мотивы», «ценности», «валентность», «акцентуации», «репрезентативные системы», «виды деятельности», «формы предъявления информации», «логика изложения событий», «центр внимания»; а также лексические категории, выделенные на основе семантического содержания исследуемых текстов (такие, как «душа», «бог», «жизнь», «любовь» и др.).

Собственно говоря, выделение глубинных семантических структур на основе их частотных связей в рамках текста и составляет метод тезауруса. Ведь «тезаурус, – как отмечает В. Ф. Петренко, – представляет собой сеть ключевых понятий, объединенных связками, фиксирующими содержательные (семантические) связи» (17, с. 69).

Выделение базисных категорий в текстах византийских богословов, определивших аксиологическое содержание русской религиозной культуры, позволило конституировать преобладание следующих ценностных категорий: Бог, господь, душа, сердце, дух, ум, тело, жизнь, смирение, страсть, грех, святость, молитва, доброта, правда, любовь, познание, свет, духовность, человек, истина, радость.

В трудах представителей классической русской философии наряду с указанными категориями наиболее частотны: бытие, личность, народ, Русь, Россия, общество, идея, свобода, деятельность, государство, славянство, религия, христианство, мир, культура, наука.

Категории, общие для этих двух разновидностей текстов, следующие: разум, мораль, жизнь, любовь, душа и дух, синтезированные в базисных словосочетаниях: «умная душа», «этическая (нравственная) ценность», которые в единстве и приводят человека к спасению, а человечество – к развитию. Обращает на себя внимание тот факт, что семантика философских текстов продолжает заданную семантику религиозных, просто распространяя ее на социум.

При этом базисные понятия «жизнь», «дух», «душа», «радость» выступают как этические ценности, сопрягающиеся с понятиями «любовь», «свет», и «Бог». Что касается категории «духовность», она, несомненно, является центральной этической ценностью. Ценностью, в которой человек испытывает истинную внутреннюю потребность и которая является сущностной чертой человека.

Поразительны при этом и эмоционально-лексические параллели в оценке текстов византийских богословов и русских философов. Так, на базисном лексическом уровне, т.е. на уровне аксиоматических понятий проанализированные тексты характеризуются следующими свойствами: доброжелательность, интеллектуальность, правдивость, самоконтроль, независимость, экстраверсия, утонченность и необычность.

Факторизация методом главных компонент массива проанализированных философских текстов показала, что совокупность факторов, охватывающих 67,5% дисперсии, отражает следующие детерминанты русского богословского дискурса: «логичность и последовательность» (главный фактор), «безнравственность и нравственность личностного бытия» (второй частный фактор), «власть любви как независимость от недоброжелательности» (третий частный фактор) и «познание как высшая ценность деятельности» (четвертый частный фактор).

Факторизация массива богословских текстов позволила вычленить такие четыре главных фактора: «доброжелательная интеллектуальность и правдивость» (главный фактор), «власть молитвы как этической ценности» (второй главный фактор), «греховность человеческой души» (третий частный фактор), «святость как сложность для изложения» (четвертый частный фактор) (факторы охватывают 74,5% дисперсии).

Совокупная факторизация всего массива текстов, воплощающих в себе русскую ментальность, позволила выделить четыре независимых фактора, описывающих 66,5% всей дисперсии: «логическая

последовательность» (главный фактор), «ценность познания как деятельности, власти и независимости» (второй частный фактор), «безусловная нравственная ценность любви» (третий частный фактор) и «долг как божественная сущность человека» (четвертый частный фактор).

Итак, во-первых, русский человек вовсе не настолько иррационален, как это принято считать в искусственно поддерживаемых мифах. Несомненную опасность для русского сознания представляют навязываемые нам ценности личной выгоды и успеха, принятые в чуждой нам коммерциализованной логике искупления грехов путем покупки индульгенций или достижения богоугодности благодаря собственному материальному благосостоянию.

Во-вторых, архетипичной чертой русской ментальности является все же, скорее всего, созерцательность, а не практицизм, поскольку категории деятельности, власти и независимости объединены в единый конструкт с ценностью познания.

В-третьих, для нас именно любовь, а не, скажем, свобода представляет абсолютную и высшую нравственную ценность. И, кстати, по словам А.А. Ухтомского, «Содержательная и действительная свобода дается только там, где есть дары Духа Святого» (см. 22). При этом сущностью человека в русском понимании, божественной, т.е. высшей мыслимой сущностью, является долг. Невозможно не отметить в этой связи, насколько явственно в этом моменте наблюдается совпадение в трактовке, скажем, М. Аптером, автором теории реверсивности психики, свободы как негативистского состояния, а долженствования – как состояния конструктивного и, в его американизированной терминологии, – конформистского. А в нашей, русской терминологии – коллективистского

Говоря языком современной фундаментальной науки, русская философская традиция в трактовке человека отдает предпочтение не «гнозису», а «ноэзису», т.е., по В.И. Вернадскому, процессам,

соответствующим не эм-пирическим, а универсальным принципам познания и бытия Вселенной.

Иными словами, принципиальная идея сущности че-ловека и человечества постулируется не на основе толь-ко констатирующего познания, а на основе выстраива-ния ноэтического постижения жизни, в которой позна-ние ведет к созиданию новых форм бытия.

Полученные данные, на наш взгляд, позволяют вне-сти некоторые коррективы в теорию и практику кон-сультативной работы практикующего психолога, работа-ющего с представителями византийского православного ареала восточнославянской культуры. На наш взгляд, средоточием консультативной и психотерапевтической работы, определяющей русской антропологией, вы-ступает восстановление и укрепление личностного до-стоинства человека.

Совершенно очевидно, что непосредственно это сде-лать невозможно по причине измененного психогенией эмоционального состояния.

Следовательно, первоочередной задачей выступает задача восстановления душевного равновесия. Затем - восстановление личностного достоинства. И, как венец консультативной и психотерапевтической работы – про-цессы обеспечения самосовершенствования этического ядра личности.

Для краткости можно поименовать эту триединую за-дачу задачей трех «Р»: ревитализация, ревальвация, ре-конструкция личностного «Я».

Психотерапевтический подход, обязанный своим возникновением русской философской антропологии, логичнее всего именовать этическим персонализмом, поскольку русской культуре свойственно именно стрем-ление к нравственному совершенствованию, в то время как, скажем, иудейской – стремление к совершенство-ванию интеллектуальному. По крайней мере, именно так писал еще в XII веке Моисей Маймонид (Рамбам), почитаемый евреями как второй Моисей (см. 25, с. 499). Русский человек является носителем не протестантской

нормы вседозволенности, не иудейской нормы запрета, не исламской нормы покорности, а восточно-христианской нормы благословенного действия, действия, санкционированного с позиции абсолютного блага, абсолютного добра.

Именно благодаря абсолютной значимости этического начала в русской психологии последствия роковых событий XX века в народном сознании были перетолкованы с интеллектуально-марксистских, т. е. шизоидно-бесчеловечных (как помнится, «Горе от ума» - это именно русская классика) в трактовку происходящего как огромную жертву ради светлого будущего. Вскрытие ценностно-смыслового конфликта, в основе которого, как правило, находятся переживания, связанные либо с добровольным самопожертвованием, либо с осмыслением жертвоприношения со стороны других в отношении тебя самого, что, собственно, и вызывает этический конфликт, и есть сердцевина русской психологии и русского этического персонализма.

Безусловно, очень сложно передать многообразнейшие связи и тонкости богатства всей семантической структуры, в которой воплощена ментальность русского этноса. Однако очевидным является факт, что ключевые дескрипторы этой социокультурной галактики до сих пор мало учитываются нашими психологами.

И вот они (мы) наивно пытаемся ввести принципы протестантского релятивизма в абсолютистскую ткань русского, этического по своей сути сознания. Пытаемся либо подменить безусловную по природе ценность любви как атрибута жизни «умного тела», трансцендирующего себя в жизнь социума через воплощаемые в нем ценностные смыслы, редукционистским и глубоко неверным приписыванием определяющей роли сексуальности либо гипертрофированной роли личной (индивидуалистической в сущности) «свободы», не замечая или не понимая главного: тем самым мы лишаем наш собственный социум, наших людей, наших пациентов возможности истинного проживания собственного бытия, предлагая им путь заимствованной жизни, в кото-

рой остаются не названными ключевые детерминанты ее смыслового содержания.

Осмысление собственной принадлежности к родной культуре и вытекающих из этой культуры способов действия представляется нам первоочередной задачей профессионального воспитания и обучения отечественных психологов-практиков.

Достаточно отметить, что наиболее бесчеловечное столетие в истории, а именно XX столетие, стало таким не в последнюю очередь по причине агрессивного посягательства определенных государств и групп людей на ценности и традиции именно восточного, византийского христианства с его идеалами милосердия и любви, служения и бескорыстия, безвозмездного прощения и покаяния.

А ведь и нам, и человечеству необходимы методы психотерапии, восходящие к системе высоких русских культурных норм, ценностей и духовных традиций, несущих в себе всемирность и всечеловечность, о которых так хорошо писал Ф.М. Достоевский.

Глава 4. Принципиальный алгоритм консультативной работы со страждущим с позиций этического персонализма

Будем исходить из фактической реальности обращения человека за психологической помощью. Как свидетельствуют наши исследования, люди обращаются на психологическую консультацию во вполне определенном типе ситуаций: в ситуации виктимизации личностного «Я». Иными словами, в качестве онтологической предпосылки проявления травматического (виктимизированного) состояния выступает совокупность обстоятельств, приводящая к травме.

Если ситуация есть реальное событие, данное в обстоятельствах, то переживание есть ментальное событие, под воздействием травмы проявляющееся в этическом диссонансе и влекущее за собой изменение личностной позиции, которая.

В свою очередь, проявляется в утрате субъектности (скатывание в позицию «жертвы»). Собственно, из этих трех составляющих (событие –

переживание – виктимизация) и возникает насущная необходимость в психологической помощи – начиная с восстановления душевного равновесия, продолжая восстановлением личностного достоинства (преодоление личностной позиции «жертвы») и вплоть до развития и совершенствования этического ядра личностного «Я». Эти три процесса в этическом персонализме и охватывают весь процесс восстановления субъектности «Я» (см. 9).

Страдание проявляется в жалобах, выступающих внешней, обращенной вовне формой страдания. В свою очередь, жалобы могут иметь два принципиально направленных вектора: жалобы на состояние и жалобы на отношения.

Первая и основная задача психолога при обращении к нему страждущего – задача ориентировочная: предположить, хотя бы в первом приближении, возможные причины страдания, с учетом того, что их этиология может быть как собственно психогенной, так и органической, биохимической или сочетанной.

Во всех случаях, кроме сугубо психогенных причин, психолог не может выступать главным актором психотерапии, ограничиваясь вначале консультационной (направление к соответствующему специалисту), а затем, если возникнет необходимость, консультативной помощью страдающему человеку (в терминологии этического персонализма – страждущему).

Принимая во внимание вышеизложенное, опишем теперь принципиальную схему консультативной работы в предлагаемой модальности.

Прежде всего необходимо установить контакт со страждущим. Установление контакта – неременное условие для решения главной профессионально значимой задачи первого этапа работы: первичной ориентировки в жалобах и общей психосоциальной ситуации страждущего. Здесь после самих общих вопросов, относящихся к прояснению психологического и социального статуса страждущего (возраст,

образование, семейное положение, анамнез жизни и т.п.) психолог задает примерно такие принципиально важные вопросы.

1. Как вам кажется, что вас беспокоит? – вопрос на образ ситуации и предъявление жалобы.
2. Из-за чего у вас болит душа? – вопрос на уточнение понимаемой и предъявляемой причины страданий.
3. Как долго это с вами? – вопрос на ориентировку в ситуации страдания.

Пример из практики

Психолог: (после уточнения психологического и социального статуса страждущего и вопросов, относящихся к анамнезу жизни) Как вам кажется, что вас беспокоит?

Страждущая: Я не знаю, как мне жить после измены мужа. Я вообще жить не хочу.

Психолог: Здесь очень важно, жизненно важно понять, из-за чего у вас болит душа – из-за предательства, из-за угрозы распада семьи, из-за ощущения утраты доверия...

Страждущая: Из-за невыносимого унижения! Он меня, любовь мою, доверие мое просто растоптал! (плачет)

Психолог: Когда все это случилось? Как долго это с вами?

Страждущая: Я что-то такое чувствовала уже некоторое время, а позавчера эта женщина позвонила мне и попросила его отпустить...

Итак, первый этап - подготовительный. Он предназначен для первичной ориентировки в жалобах и общей психосоциальной ситуации страждущего, для установления надлежащего уровня доверия, для подготовки пациента к ситуации личностной и отношенческой диагностики.

Второй этап работы – диагностический. Общее на-значение личностной и отношенческой диагностики – объективировать состояния, личностные особенности и стратегии межличностных отношений в конкретной травматической ситуации. Речь идет именно об экс-пресс-диагностике.

Применяемые здесь диагностические методики включают в себя широко известный в быстрой диа-гностике инструментарий: проективные тесты (метод цветочных выборов М.Люшера, психографический тест А.В.Либина), а также отдельные шкалы из личностно-го опросника Р.Кетелла, в частности, шкалу, отражаю-щую фактор «В», СМИЛ в редакции Ф.Б.Березина или Л.Н.Собчик, либо сокращенный вариант последнего, известный как методика «Мини-мульт». Особую зна-чимость мы придаем разработанному нами опроснику оценки и прогнозирования психологического развития ситуаций межличностного взаимодействия, которая предназначена для идентификации фигуры «жертвы» и наличия самого акта «жертвоприношения», пусть по-нимаемого и символически, но отнюдь не менее травма-тичного по своей сути (см. Приложение).

Предложенный инструментарий позволяет сориен-тироваться в эмоциональном состоянии, интеллектуаль-ном статусе и личностных особенностях страждущего, что позволяет выстроить адекватную данной ситуации и личности стратегию консультативной работы.

Возможность того, чтобы диагностический этап осуществлял коллега-асистент, ко-терапевт, т.е. другой психолог, будет способствовать снятию возможного переноса, излишней привязки к фигуре консультанта и обеспечение отстраненной обратной связи в психологи-ческой диагностике – ситуации, состояния и личности пациента.

Типичные исходы второго этапа работы. Опираясь на результаты диагностики, консультирующий психолог завершает ориентировочно-диагностический этап рабо-ты клинически ориентированной беседой, в которой об-суждаются полученные данные, уточняется отношение

страдающего к ним и определяется собственно предмет психологической работы или иные направления и задачи в сложившейся ситуации.

Наиболее вероятные варианты развертывания событий после этапа экспресс-диагностики суть следующие.

1) Жалобы и причина обращения за психологической помощью адекватны данной травматической ситуации, психоэмоциональное состояние страдающего (общий стресс, тревожность, сниженное настроение, фрустрация, агедония и т.п.) и личностная акцентуация не превышают пределов, требующих срочного либо непрямого врачебного вмешательства, основное травматическое переживание относится к психогении, индуцированной травмой межличностных отношений.

2) Жалобы и причина обращения за психологической помощью не когерентны. Например, предъявляемая жалоба звучит как обвинение супруга в измене, но степень личностной акцентуации, уровень шкалы по фактору «В» тесте Кетелла, личностный профиль в целом по тесту «Мини-мульти» и неспособность выполнить психографический тест, равно как и клинически ориентированная беседа заставляют предположить, что речь идет о бреде отношений.

3) Жалобы и причина обращения за психологической помощью адекватны ситуации. Однако в процессе диагностики и клинически ориентированной беседы выясняется, что речь идет не столько о самом человеке, который обратился за помощью, сколько о том, по поводу которого обратились за помощью, поскольку именно тот, другой, создал конкретную травматическую ситуацию, и очевидно, что ни психоэмоциональное состояние обратившегося за помощью, ни его интеллектуальный уровень, ни степень личностной акцентуации не искажают представленную картину.

Так что речь должна идти в первую очередь о работе именно с тем, другим человеком, по поводу которого и обратились к психологу.

Как явствует из вышеизложенного, непосредственная ситуация приложения усилий именно психолога-консультанта – это первый из возможных исходов. Во втором случае возникает необходимость направления страждущего к психиатру (или в необходимых случаях – к врачам иных специальностей), что так же требует необходимой в таких случаях квалификации и компетенций, иначе можно травмировать человека или, еще хуже, способствовать его инвалидизации. В третьем из типичных исходов необходимы усилия для выстраивания ситуации психологической помощи, поскольку она лишь обозначена, но не проявлена.

Так что в качестве готовой для консультативной работы уже с первой встречи может рассматриваться лишь первый тип ситуаций. Именно для такого, по прямому назначению, типа консультативных ситуаций и разработан нами протокол консультативной работы в модальности этического персонализма.

Ниже приводится примерный вариант протокола консультативной работы в модальности «этический персонализм»: сомнительную заслугу чего легко можно приписать психоанализу, а также если учесть тот факт, что достаточно проблематичное в своих исходных установках антипсихиатрическое движение не успело подорвать доверие и к нашим психологам в столь же значительной степени, в какой оно подорвало доверие к предельно коммерциализованным западным или вестернизированным отечественным специалистам.

- Перевести жалобы в конкретный вопрос-пожелание, требующий ответа «да-нет».
- Уточнить, кто реально может помочь добиться желаемого и основные ценностные смыслы страждущего (ради кого).
- Найти изначальную ошибку в прежнем поведении, приведшую в психологический капкан «Авель – Каин».

- Уточнить, чье неверное благословение на ошибочное действие (или отсутствие чьего истинного благословения привело к трагическому итогу во взаимоотношениях.
- Обсудить, из-за каких конкретных неверных действий сложилась данная (конкретная) неблагоприятная ситуация.
- Проанализировать все возможные альтернативы развития ситуации, используя шкалу абсолютных этических ценностей (от абсолютного Добра до абсолютного Зла).
- Идентифицировать референтную для страждущего Фигуру – носителя абсолютной ценности Добра – применительно к данной ситуации.
- Испросить благословения на ответственный поступок (по перемене личностной позиции, стратегии поведения) у образа референтной фигуры.
- Соотнести лечебные (психотерапевтические) мероприятия стратегии поведения с образом референтной Фигуры (стадия трансцендирования)
- Получить благословение на принимаемое решение и образ действий.
- Обсудить наиболее приемлемую стратегию и тактику психотерапии, в том числе и целесообразность сочетанной психофармакотерапии с привлечением врача (невролога, психиатра или клинициста другой специальности – чаще всего, эндокринолога или гастроэнтеролога).

Как свидетельствует опыт нашей работы, данный алгоритм позволяет в значительной степени упорядочить, структурировать и сделать весьма эффективной работу консультирующего психолога, в особенности с нашими соотечественниками, которые не привыкли к долгим и регулярным посещениям психологов, у которых психотерапия не призвана подменять собою жизнь,

Таким образом, именно культуросообразное психо-логическое консультирование и психотерапия, обусловленные системой духовных и прежде всего этических координат и детерминант, присущих высокой русской культуре, представляются нам магистральным путем развития отечественных традиций психологической помощи.

Глоссарий

Духовность – качество (уровень) сознания человека, проявляющееся в его свойствах постигать, переживать и утверждать некоторые принципы жизни как абсолютные ценности бытия, которым атрибутируется достоинство высших смыслов.

Благословенное действие – действие, санкция на ко-

торое получено от референтной фигуры или от трансцендентной инстанции, воплощающей идею или образ абсолютного Блага.

Диагноз – прежде всего базисная констатирующая ориентировка в причинах психологического страдания человека, а в дальнейшем – основанное на результатах соответствующих обследований предположительное заключение, описывающее состояние организма и его отдельных систем и позволяющее уточнить место психолога в общей стратегии лечебно-восстановительной работы со страждущим.

Жалоба – сетование по поводу неприятностей, боли, конфликтов, тяжелого психоэмоционального состояний, неудовлетворительных межличностных отношений, с которыми страдающий человек обращается к психологу в надежде, что его услышат, поймут и окажут адекватную ситуации помощь.

Индигенизация – процесс укрепления собственной цивилизационной идентичности за счет развития куль-

туросообразных методов психотерапии и психологического консультирования.

Культуросообразный метод – метод открыто при-

знающий свою производность от той или иной ментальности и порожденной ею культуры, и именно в силу этого обоснованным, а не произвольным образом претендующий на охватываемый им круг психологической проблематики лечебного психологического воздействия.

Ноэма – мысль, содержащая в себе постигнутое единство, явленное во внешнем многообразии, а также предметное содержание сознания, связанное с обращением к трансцендентному.

Ноэзис – термин, восходящий к Платону и обозначающий мысленное усмотрение сущности, основанное на созерцательной природе разума, в данном контексте – высшее теоретическое познание, ведущее к созиданию новых форм бытия.

Страждущий – человек, испытывающий муки сознания, совести или психоэмоциональный дискомфорт, побудившие его обратиться за психологической консультацией.

Трансцендентное – принципиально недоступное и не основанное на опыте, но дающееся в вере.

Трансцендирование – выход за рамки субъективного в чистые пространства духа путем обращения к абсолютным и совершенным образам - носителям абсолютных истин. В русской культуре достигается путем сердечной молитвы.

Жертвоприношение – в этическом персонализме вольная или невольная виктимизация другого человека в угоду собственным интересам, как правило, сопровождающаяся манипулятивным представлением своего поведения как такого, которое направлено на благо жертвы.

Принцип онтологичности – вытекает из общего принципа отражения, согласно которому психика детерминирована многими внепсихологическими факторами; поиск и исключение или учет внепсихологических детерминант психоэмоциональных состояний в данной конкретной ситуации

Позиция «Авель» (жертва) – личностная позиция страждущего, невольно пострадавшего в силу определенных личностных особенностей, в межличностных отношениях, которые оказались травматичными.

Позиция «Каин» (бенефициар, выгодополучатель) –

личностная позиция одного из участников межличностных отношений, который вольно или невольно травмировал в них другую сторону.

Этический диссонанс – вскрытый ценностно-смысловой конфликт, в основе которого, как правило, находятся переживания, связанные либо с неадекватным добровольным самопожертвованием, либо с осмыслением жертвоприношения со стороны других в отношении тебя самого.

Этический персонализм – метод психологического консультирования, восходящий к восточному (митризированной) христианству, сообразный русской ментальности и

культуре, в основе которого лежит анализ травмы межличностных отношений, трактующий вик-тимизацию одной из сторон как символическое жертво-приношение другого в угоду своим интересам.

Литература

1. Алексейчик А.Е. Интенсивная терапевтическая жизнь// valeri-159.narod.ru/psychologi/psy-010.htm
2. Бондаренко А. Ф. Христианская психотерапия в США и англоязычном мире // Психологическое кон-сультирование и психотерапия: Хрестоматия. Т. 1. Тео-рия и методология / Под ред. А. Б. Фенько, Н. С. Игнатъе-вой, М. Ю. Локтаева. – М.: Московский психотерапевти-ческий журнал, 1998. – С. 167-184.
3. Бондаренко А.Ф. Методика оценки и прогнозиро-вания психологического развития ситуаций межлич-ностного взаимодействия // Психотерапия. – 2010, № 7.– С. 53-60.
4. Бондаренко А.Ф. Психологическая помощь: те-ория и практика. – Изд.4-е, испр. и доп. – К.: «Освита Украины». 2007. – 332с.
5. Бондаренко А.Ф. Социальная психотерапия лич-ности (психосемантический подход). – К.: КГПИИЯ, 1991. – 189с.
6. Бондаренко А.Ф. Язык. Культура. Психотерапия. – К.: Кафедра. – 2012. – 416 с.
7. Бондаренко А.Ф., Королюк Т.И. Интент-анализ рус-ского и американського психотерапевтического дискур-са// http://medpsy.ru/mprj/archiv_global/2013_3_20/nomer/nomer17.php
8. Бондаренко А.Ф., Федько С.Л. Тенденции инди-генизации и их осмысление в современной консульта-тивной психологи// http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2014_5_28/nomer/nomer02.php
9. Бондаренко А.Ф.О нравственном усилии в пси-хотерапии// http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2014_3_26/nomer/nomer04.php

10. Братусь Б.С. Двойное бытие души и возможность христианской психологии // Вопросы психологии. – 1997. – С.71-79.
11. Братусь Б.С. Психологическое и нравственное пространство нормы
12. Бурно М.Е. Клиническая психотерапия.- М.: Академический проект, ОППЛ,2000.- 719с.
13. Венгер А. Психотерапия: западная теория и российская практика // Московский психотерапевтический журнал. – 2004. – №1. – С.5-17.
14. Жирар Р. Насилие и священное/ Перевод с французского Г.Дашевского, изд.2-е, испр.- М.: Новое литер. обозрение,2010.- 448с.
15. Королюк Т.И. Этические переживания как предмет теоретического анализа в отечественной психологии XIX века // Психолингвистика. – 2012. – Вып. 10.– С. 66-73.
16. Марков Б.В. Макс Шелер и проблемы современной европейской философии// <http://www.max-scheler.spb.ru/content/view/39/52/>
17. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. – Смоленск: СГУ, 1997. – 400с.
18. Слово о законе и благодати митрополита Иллариона / пер. А. Белицкой [Электронный ресурс] // Древне-русская литература. – URL: <http://www.old-russian.chat.ru/13ilarion.htm> (дата обращения: 30.05.2013).
19. Ухтомский А.А. Доминанта. – СПб: Питер, – 2002.– 448 с.
20. Фанталова Е.Б. «Русский катарсис» как феномен культуры и психотерапевтический прием // Журнал практикующего психолога. – 2003. – Вып. 9. – С. 11-16.
21. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.:ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.

22. Хализев В.Е. Интуиция совести (теория доминан-ты А.А. Ухтомского в контексте философии и культуроло-гии XX века [Электронный ресурс] – URL: <http://russian-literature.com/ru/publications/petrozavodsk/ve-halizev-intuiciya-sovesti-teoriya-dominanty-aa-uhtomskogo-v-kontekste-filosofii-i-kulturologii-xx-veka> (дата обращения: 30.05.2013).
23. Хоружий С.С. Современная антропологическая ситуация в свете синергийной антропологии. Высту-пление на научном семинаре философского факультета Новгородского государственного университета в апреле 2006 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rulit.me/books/sovremennaya-antropologicheskaya-situaciya-v-svete-sinergijnoj-antropologii-read-204277-2.html>
24. Цапкин В.Н. Единство и многообразие психотера-певтического опыта Психологическое консультирование и психотерапия: Хрестоматия. Т. 1. Теория и методоло-гия / Под ред. А. Б. Фенько, Н. С. Игнатъевой, М. Ю. Лок-таева. — М.: Московский психотерапевтический журнал, 1998. — С. 22-51.
25. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М.: Римис, – 2008. – 576 с.
26. Ярошевский М.Г. История психологии. – М.: Академия, 1997. – 416с.
27. Ясперс К. Просветление экзистенции. Философия. Книга вторая. М.: «Канон». – 2012. – 230 с.
28. Apter M. J. The experience of motivation: The theory of psychological reversals. L., N. Y.: Academic Press, 1982. 378 p.
29. Andreasen Nancy. DSM and the Death of Phenomenology in America: An Example of Unintended Consequences // Schizophrenia Bulletin vol.33, 2007, N 1, pp. 108-112.
30. Kim U, Yang K-Sh., Hwang K-K., 2010. Indigenous and Cultural Psychology: Understanding People in Context. Springer US. – 518 с.

31. Russell, J. A., 1991. Culture and the Categorization of Emotions. *Psychological Bulletin*, 110(3), pp. 426 – 450.
32. Pe-Pua R., Protacio-Marcelino E., 2000. Sikolohiyang Pilipino (Filipino psychology): A legacy of Virgilio G. Enriquez // *Asian Journal of Social Psychology*, No 3, pp. 49–71.
33. Scruton A. *The soul of the world*. Princeton University Press, 2014, 250 pp.

ПСИХОТЕРАПИЯ № 5 (161), 2016 г. стр. 40-52